

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-43-59

Научная статья / Research article

Евразийский структурализм

А.В. Шабара

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 shabaga-av@rudn.ru

Аннотация. Исследуются социально-политические следствия структурно-лингвистических концепций Н.П. Трубецкого и Р.О. Якобсона, а также структурно-географической теории П.Н. Савицкого. Эти ученые, будучи зачинателями структурализма XX в., одновременно являлись и основателями евразийского движения, пытавшегося конкурировать в 1920—1930-х гг. с большевистским учением. Социолингвистический принцип «языковых союзов» и морфологическая концепция, постулированные Н.С. Трубецким, послужили основой для предложенной Р.О. Якобсоном семантической картины евразийского пространства, следствием чего стал социально-политический конструкт развития, не исчерпавший своего потенциала до сих пор. Морфологический и фонологический подходы этих двух лингвистов были подкреплены структурно-географической концепцией П.Н. Савицкого, показавшего предпосылки возникновения евразийской общности не только на лингвистическом, но и на географическом и экономическом уровнях. Лингвисты указывали на связь между языком и мышлением, формирующую представления о наличном и должном, что давало аргументы для утверждения об аксиологической близости евразийских народов. Географ П.Н. Савицкий подтверждал эти заключения исследованиями о формировании экономического родства на основе единого пространства и хозяйственной общности населения Евразии. Опираясь на эти концепции, российскими структуралистами создавалось социально-политическое учение об особой роли Евразии и ее отдельном пути, противоположном западному направлению развития. Используя отдельные положения Ф. де Соссюра, основатели евразийства создали телеологическую синтагму «идеократия — демотия — совет», которая определила структуру евразийского социально-политического пространства. Сочетание элементов евразийской структуры истолковывается коллинеарно предложенной Ф. де Соссюром триаде *langage — langue — parole*: идеократическая система, поверяемая демотией, обуславливает деятельность советов. Из этого следует, что телеологическая синтагма евразийцев «идеократия — демотия — совет» являлась антитезой большевистской синтагме «коммунизм — советская власть — совет». Идеократия здесь является оппозицией коммунизму, а демотия — советской власти. Таким образом, структура евразийского государства окончательно определялась. Идеократия понималась евразийцами как политическая система, демотия — как способ социального контроля системы, а советы в данном случае должны были стать инструментом самоуправления, объединяющего структуру евразийского государства снизу доверху.

Ключевые слова: Евразия, евразийство, структурализм, идеократия, демотия, совет, Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон, П.Н. Савицкий, телеологическая синтагма, структура евразийского государства

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда. Проект № 19-18-00165 «Евразийская идеология как объединительная для стран ЕАЭС и ШОС».

© Шабара А.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Шаблага А. В. Евразийский структурализм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 43—59. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-43-59>

Eurasian Structuralism

Andrei V. Shabaga

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

shabaga-av@rudn.ru

Abstract. The article examines the socio-political consequences of the structural-linguistic concepts of N.P. Trubetskoy and R.O. Jacobson, as well as the structural-geographical theory of P.N. Savitsky. These scientists, who were the pioneers of the structuralism of the twentieth century, were at the same time the founders of the Eurasian movement, which tried to compete with the Bolshevik doctrine in 1920—1930s. The sociolinguistic principle of “linguistic unions” and the morphological concept postulated by N.S. Trubetskoy became the basis for the semantic picture of the Eurasian space proposed by R.O. Jacobson, which resulted in a socio-political development construct that has not exhausted its potential so far. The morphological and phonological approaches of these two linguists were supported by the structural-geographical concept of P.N. Savitsky, who showed the prerequisites for the emergence of a Eurasian community not only at the linguistic, but also at the geographical and economic levels. Linguists pointed to the connection between language and thinking, which forms the idea of extant and due, which gave arguments for the assertion of the axiological proximity of the Eurasian peoples. Geographer P.N. Savitsky confirmed these conclusions with his research on the formation of the economic kinship of the population of Eurasia on the basis of a single space. Using these concepts, Russian structuralists created a socio-political doctrine about the special role of Eurasia, its separate path, opposite to the western direction of development. Applying certain provisions of F. de Saussure, the founders of Eurasianism created the teleological syntagma ideocracy — demotia — soviet, which determined the structure of the Eurasian socio-political space. The combination of elements of the Eurasian structure is interpreted collinearly of the triad proposed by F. de Saussure langage — langue — parole. The ideocratic system, verified by demotia, determines the activities of the soviets. It follows from this that the teleological syntagma of the Eurasianists, ideocracy — demotia — soviet, was the antithesis of the Bolshevik syntagma communism — Soviet authority — soviet. Ideocracy here is the opposition to communism, and demotia is opposition to Soviet authority. Thus, the structure of the Eurasian state was finally determined. Ideocracy was understood by the Eurasians as a political system, demotia, as a way of social control of the system, and in this case soviets were supposed to become an instrument of self-government, uniting the structure of the Eurasian state from top to bottom.

Key words: Eurasia, Eurasianism, structuralism, ideocracy, demotia, soviet, N.S. Trubetskoy, R.O. Jacobson, P.N. Savitsky, teleological syntagma, structure of the Eurasian state

Acknowledgements: This research was supported by the Russian Science Foundation. The scientific project № 19-18-00165 “Eurasian ideology as unifying for the EAEU and SCO countries”

For citation: Shabaga, A. V. (2022). Eurasian structuralism. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 43—59. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-43-59>

Евразийство — одно из интереснейших и самобытных направлений российской социально-политической мысли. Особый интерес, на наш взгляд, вызывает его связь со структуралистским моделированием социально-политических процессов российского общества. Разумеется, не всем евразийцам был близок такой подход. Однако основатели евразийства — Н.С. Трубецкой и П.Н. Савицкий — задали этот тон, надолго определивший основное направление и оказавший

влияние на ряд других участников движения, например Р.О. Якобсона, Н.Н. Алексеева и др. Структурализм тогда еще только зарождался, и само понятие еще не устоялось, хотя идеи швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра во втором десятилетии XX в. все чаще воздействовали на ряд смежных и несмежных с лингвистикой наук.

Как и всякому другому направлению, евразийству была свойственна неоднородность (Карсавин, 1926, с. 124). Ее природа

заклучалась в том, что его основателями были представители разных школ и даже разных областей научного знания, а дальнейшее развитие направления, в которое включились представители некогда разных политических течений, лишь усугубило это разнообразие. Но неоднородность не девальвировала основ течения, добавив евразийству дополнительные грани и выводя его на новый уровень герменевтического потенциала. Вместе с тем «всеядность» раннего евразийства привела движение к кризису 1930-х гг., когда различия представлений о дальнейшем развитии стали вступать в конфликт друг с другом.

Первоначально, невзирая на разницу подходов, евразийцы двигались в одном направлении. Им было необходимо теоретически обосновать предмет своего изучения. Поэтому на первом этапе, который и будет в фокусе нашего внимания, они старались доказать единство поля исследования, используя методы той науки, в которой каждый из них был сведущ. В данной статье мы, во-первых, затронем весьма важный, с нашей точки зрения, аспект, связанный со структуралистскими основами евразийства. До сих пор на него обращали довольно мало внимания (Глебов, 2010; Дугин, 1999, с. 5—25; Сутормин, 2014, с. 126). Во-вторых, рассмотрим основные элементы разбираемой структуры. И, в-третьих, затронем телеологическую составляющую структуры евразийского учения, которой участники движения придавали большое значение (Савицкий, 1923).

Наша работа направлена на исследование главным образом первоначального евразийства. Мы имеем в виду, прежде всего, взгляды отцов-основателей евразийства — Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого, подвергнувшиеся резкой критике сразу после своего появления. Одно из наиболее известных критических определений евразийства принадлежит А.А. Кизеветтеру. В 1925 г. он охарактеризовал евразийство как «настроение, вообразившее себя системой». В качестве пояснения он добавил, что настроение породили ощущения, связанные с Первой Мировой войной и «водворением в России большевизма» (Кизеветтер, 1925, с. 50). Иначе говоря, А.А. Кизеветтер перевел евразийские концепции из

ментального разряда в сензитивный. Мы не разделяем эту точку зрения. Более того, нам кажется, что методология евразийства и отчасти его инструментальность имеют определенный потенциал даже в рамках современной политической парадигмы.

Начнем с разбора упрека А.А. Кизеветтера в отсутствии системности евразийства, поскольку это и упрек в его ненаучности и в том, что этот концепт лишен структуры. Контекст укора известного историка и политического деятеля, представлявшего кадетскую партию, очевиден. В научном мире с начала XX в. остро ощущалась потребность в новых системных теориях, не только объясняющих происходящие общественные феномены и процессы, но и обладающие прогностическими возможностями. Такое положение дел объяснялось многими обстоятельствами. Не входя в подробный разбор этого вопроса, укажем лишь на то, что имеет непосредственное отношение к теме нашего исследования: контрмарксизм и геополитика.

Первое направление было связано со стремлением создания системной теории, которая могла бы конкурировать с повсеместно распространяющимся учением К. Маркса, претендовавшим на исчерпывающее объяснение всех социальных процессов. Здесь наиболее преуспели В. Зомбарт и М. Вебер, предложившие свои способы структуризации общества и его динамики (Sombart, 1987; Weber, 1934).

Второе направление было порождено желанием создать учение, в котором были бы неразрывно слиты география, политика, история, этнография, экономика, психология и практически все остальные науки, имеющие отношение к социуму. Здесь на первый план выдвинулась геополитика. Ее основатель и систематик, шведский политолог Р. Челлен, выдвинул программу объединения в рамках политической науки всех сторон общественного знания (Kjellén, 1917). Попытка евразийцев совместить в своем учении контрмарксизм и геополитику является в этом отношении весьма показательной.

В России наиболее оригинальная концепция, претендующая на универсальность, была выдвинута одним из известнейших

марксистов А.А. Богдановым, чьи попытки дальнейшего развития марксистского учения вызывали резкую критику В.И. Ленина (Ильин, 1909, с. 295). В 1913 г. А.А. Богданов издал две части «Тектологии — Всеобщей организационной науки», а в 1922 г. опубликовал окончательный вариант из трех частей (Богданов, 1922). В своей работе он задолго до Л. фон Берталанди актуализировал системный подход как универсальный принцип познания, описывая различные типы социальных структур. Возможно, эта работа была знакома А.А. Кизеветтеру, и он в соответствии с ее положениями требовал от евразийцев структурировать свои идеи по преобразованию России с тем, чтобы они приобрели явные системные свойства. Но, как бы то ни было, укоры историка были напрасны — в недостатке системности евразийцев было трудно упрекнуть.

Мы не будем подробно разбирать известную концепцию П.Н. Савицкого, раскрывавшую идею России-Евразии посредством метода месторазвития. Концепция основана на исследовании историко-политических и географо-экономических особенностей России, что уже указывает на системные признаки (Савицкий, 1921а). Заметим только, что системность тут вполне очевидна и спорить можно лишь о ее уровне, сложности предложенной системы или ее соответствии российской действительности. В последующих работах структура описываемой евразийской системы усложнялась (Савицкий, 1921б, с. 119—124), чтобы достичь своей полноты как в охватывающей все стороны социально-политического бытия (вплоть до санитарно-гигиенических мероприятий и вопросов озеленения) «Формулировке 1927 г.»¹, так и в «Научных задачах евразийства» (Логовиков, 1931б, с. 53—63).

Не меньшей системностью отличалась и концепция Н.С. Трубецкого. В ней развивались идеи, которые в дальнейшем будут использованы исследователями-структуралистами. Н.А. Бердяев, в целом критиковавший евразийцев, признавал в их учении в качестве

оригинальной лишь «туранско-татарскую концепцию» Н.С. Трубецкого (Бердяев, 1925, с. 134). Начало этой концепции положила книга Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» (Трубецкой, 1920). Она послужила основой для семинара, в ходе которого перед участниками, в частности П.П. Сувчинским, Г.В. Флоровским и П.Н. Савицким, был поставлен вопрос о необходимости создания евразийской идеологии. Естественно, наибольшее влияние на разработку методологических основ оказал «зачинщик» семинара Н.С. Трубецкой. В дальнейшем он в рамках теории онтологического структурализма разработал с другим выдающимся лингвистом и евразийцем Р.О. Якобсоном концепцию о зависимости евразийского языкового союза от географических особенностей.

С этими, на первый взгляд, исключительно лингвистическими изысканиями, которые в то время уже были им вполне оформлены, связана концепция Н.С. Трубецкого об устойчивости славяно-туранских взаимодействий. По мере развития она, перейдя в политическую плоскость, приобрела структурную форму Россия-Евразия и на этой основе стала одной из идей, породивших концепцию многополярного мира. Отметим, что в дальнейшем это приобрело даже специальное внешнеполитическое следствие, заключавшееся в евразийском призыве освобождения народов Азии и Африки от колониальной зависимости (Трубецкой, 1925б, с. 57—58; Трубецкой, 1922, с. 305—306).

Смысл концепции заключался в следующем. Исследуя древнейшие состояния индоевропейских языков, их дальнейшее развитие и взаимовлияние, Н.С. Трубецкой на основании анализа лексических особенностей пришел к выводу, что в ценностном отношении славянские народы ощущают близость со своими восточными соседями, а особенности соседства с западноевропейцами сказываются на сходстве в сфере жизнедеятельности: «“Душой” славяне тянули к индоиранцам, “телом”, в силу географических и материально-бытовых условий — к западным индоевропейцам» (Трубецкой, 1921а, с. 92).

В дальнейшем, после разделения славян на три ветви, восточные славяне в силу

¹ Евразийство (Формулировка 1927 г.) // Евразийская хроника. Вып. IX / под ред. П. Н. Савицкого. Париж : б/и, 1927. С. 3—14.

особенностей месторазвития оказались менее всего затронуты западным влиянием. Подтверждение тому Н.С. Трубецкой находит даже в особенностях музыкальной культуры, обращая внимание на восточный элемент в обрядовых и свадебных русских песнях (Трубецкой, 1921а, с. 97—99). В этой связи заметим, что вопросам музыкальной культуры евразийцы придавали особое значение, считая ее важным элементом евразийского сознания. Природа такого внимания заключается также и в том, что такие видные представители движения, как П.П. Сувчинский и А.С. Лурье, будучи деятельными музыковедами и публицистами, активно пропагандировали евразийские ценности в музыкальной среде. Они утверждали, что ни военным, ни политическим путем Россию освободить невозможно. Взамен этого в качестве альтернативы продвигалась идея культурного освобождения, которая должна была избавить страну от большевистского плена. Большую роль в культурном освобождении П.П. Сувчинский и А.С. Лурье отводили идеологическому и пропагандистскому потенциалу музыкальных произведений (Сувчинский, 1922, с. 127). В издаваемой ими в 1928—1929 гг. газете «Евразия» они печатали статьи, в которых музыкальные произведения трактовались в евразийском контексте. Собственные оперы и симфонии А.С. Лурье сочинял так, чтобы они, как он говорил, максимально соответствовали «евразийскому мировидению». И он был не одинок — схожих позиций придерживался и ряд знаменитых в западных странах русских композиторов. В.А. Дукельский стал автором нескольких статей в евразийских изданиях, а А.Н. Черепнин в одном из интервью 1933 г. выразил убеждение, что «он, как русский в искусстве, должен выполнить евразийскую миссию» (Корабельникова, 1999, с. 203). Служение миссии выразилось в том, что музыкальная трактовка симфоний приобрела у композиторов И.Ф. Стравинского, С.С. Прокофьева, В.А. Дукельского и А.Н. Черепнина черты, отвечавшие задачам национального музыкального строительства (Вишневецкий, 2005, с. 7—15, 153).

Возвращаясь к анализу структуралистского подхода Н.С. Трубецкого, отметим, что помимо целого ряда аргументов этнографического и

психологического свойства, характеризующих особые отношения русских с туранским миром (Трубецкой, 1925с, с. 370—375), ученый обращал особое внимание на языковой аспект взаимодействия. Специальному исследованию этого вопроса посвящена работа «Вавилонская башня и смешение языков». В ней Н.С. Трубецкой постулировал социолингвистический принцип «языковых союзов», в соответствии с которым языки народов, издревле соседствующих друг с другом, приобретают общие черты. Развивая эту мысль, ученый сформулировал морфологическую концепцию. Ее новизна заключалась в том, что все языки структурируются не только генетически — по семействам, но и негенетически, то есть по союзам (Трубецкой, 1923а, с. 116—117).

Концепция Н.С. Трубецкого была поддержана историком П.М. Бицилли, выступавшим за синхронность и внутреннее единство истории Старого Света. В этой связи культурную задачу своего времени он видел в поиске путей к синтезу культур Евразии, который должен представлять собой единство в многообразии. Особую роль в решении этой проблемы П.М. Бицилли уделял России, которая, по его словам, является не только посредницей, но и образцом синтеза восточных и западных культур (Бицилли, 1922, с. 334—335, 339).

Хотя сотрудничество П.М. Бицилли с евразийским движением было недолгим, оно способствовало дальнейшему развитию идей Н.С. Трубецкого и оказало влияние на структуралистскую концепцию Р.О. Якобсона. Этот исследователь, рассматривая Евразию целокупно, открыл существование евразийского языкового союза (Лубенский, 1931, с. 288). Фонологическими признаками этого союза являются отсутствие политонии (монотонии) и различия тембра согласных (Якобсон, 1931а, с. 8). На этом основании Р.О. Якобсон выделил в Старом Свете «центровые явления», обладающие кроме фонологических особенностей выраженными формами склонения, и периферийные, характерные для Западной Европы, Южной и Юго-Восточной Азии (Якобсон, 1931b, с. 51—52).

Предложенная Н.С. Трубецким и Р.О. Якобсоном семантическая картина мира

показала лингвистическую общность евразийского социума — как на изначальном, так и на благоприобретенном уровнях. Она указывала на глубинное аксиологическое единство населяющих материк народов, что создавало аргументационную базу для выводов политического порядка. В целом следует отметить, что Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон выступили продолжателями направления, предложенного за сто лет до них немецким географом В. фон Гумбольдтом, согласно которому мышление было обусловлено языковой спецификой (Humboldt, 1822). Используя эту идею, Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон создали структуралистскую фонологию, которая легла в основу российского и западного структурализма. В частности, она задавала структуралистский контекст Н. Хомскому в создании поведенческой науки (*behavioral science*) на основе генеративной, универсальной грамматики (*generative, universal grammar*) и потому была названа им открытием величайшей важности (*discovery of the greatest importance*) (Chomsky, 2006, pp. 62—63, 65).

В учениях Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона были объединены восприятие существующей российской социально-политической реальности и основанные на методе «самопознания» коллективные представления этноса о самом себе (Трубецкой, 1921b, с. 72—78). При этом в качестве доказательств часто использовались аргументы лингвистического свойства. Опора на язык для объяснения социальных феноменов стала с тех пор весьма распространенной. В это время появляется гипотеза лингвистической относительности американских лингвистов Э. Сепира и Б.Л. Уорфа, напрямую связывающая все когнитивные процессы со структурой языка (Whorf, 1941, pp. 197—215). Из нее следовало, что структура языка определяет парадигму мышления, что полностью соответствовало идеям Н.С. Трубецкого о природе принципиального различия в мировосприятии западных европейцев и евразийцев (Трубецкой, 1920, с. 13, 25—26, 53—55).

В конце 1930-х гг. схожие аргументы использовал М. Хайдеггер, заявлявший, что именно слово, являясь бытийствующим бытием (*Das Wort ist das wesende Seyn*), делает

сущее сущим (Heidegger, 1998, p. 140). Подобно Н.С. Трубецкому, он полагал, что именно язык во многом формирует наши представления о наличном и должном. Подход Н.С. Трубецкого получил поддержку и известного евразийца-правоведа Н.Н. Алексева, пытавшегося ввести методы структурной лингвистики в поле юриспруденции. Рассуждая об институциональном значении языка, он утверждал, что феномен языка «федералистичнее» феномена права, поскольку язык и культура не столь принудительны, как последнее (Алексеев, 1931, с. 215).

В силу этого, как бы ни развивалась в дальнейшем евразийская теория, ее всегда будут сравнивать с теми структурно-лингвистическими значениями и их культурно-исторической основой, которые заложил в нее Н.С. Трубецкой. Поэтому, рассматривая Евразию как некое семантическое пространство, можно сделать вывод, что она представляет собой не столько номинацию реальности, сколько социально-политическое заявление. Превращенное в политическую декларацию и затем в политическое действие, евразийство «вынужденно» (по словам его создателей) стало оппозицией Европе и «латинству» (Трубецкой, 1923b, с. 127—128).

В этой связи весьма показательны мысли Н.С. Трубецкого о жизненной необходимости евразийского национализма, так как без его объединяющей силы Россия-Евразия обязательно распадется на части, что станет катастрофой для составляющих ее частей. Впоследствии это нашло отражение в «Формулировке 1932 г.», где, основанный на общности судьбы, «патриотизм-национализм» объявляется феноменом, соединяющим все национальности России-Евразии². Такое утверждение, во-первых, показывает, что, хотя евразийцев и упрекали за идейную связь со славянофилами, они не воспринимали русскую общину как основу российской государственности. Строго говоря, они были против любых общин, считая их историческим реликтом. Во-вторых, они отказались от политически не оправдавшего себя славянофильства/панславизма/неославизма.

² Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. Прага: Издание евразийцев, 1932. С. 24.

От Н.Я. Данилевского, считавшего общину одной из основ народного быта, евразийцы взяли идеи автаркии и извечной вражды Запада по отношению к России, а основания этой вражды лежат в различиях культурно-исторических типов (Данилевский, 2015, с. 480—481). Н.С. Трубецкой заявлял, что будущая Россия-Евразия должна вытравить дух европейской цивилизации и выстроить свою государственность на неевропейской основе (Трубецкой, 1925b, с. 57). В этом отношении евразийцам были ближе воззрения К.Н. Леонтьева, полагавшего, что на смену традиционным крестьянским общинам придут корпорации со строгим уставом, но с «*семейным характером*» (Леонтьев, 1996). В дальнейшем его идеи вкупе с идеями других, близких к народничеству, ученых (А.И. Герцена и др.)³ привели к созданию евразийской концепции демотии. За это евразийцев критиковали либералы (П.Н. Милоков, Н.А. Бердяев). П.Н. Струве воспринимал евразийство как народничество, с которым он постоянно боролся, только несколько модернизированное. Впрочем, он признавал, что евразийство представляло собой многостороннее явление, некоторые стороны которого нужно приветствовать (Струве, 1922, с. 228—229).

Одной из таких сторон евразийства, хотя и не в понимании П.Н. Струве, было его геополитическое содержание. Евразийцы истолковывали социально-политические процессы пространственно. Их отличительной чертой стало то, что геопропространственное восприятие социального мира они дополнили лингвофонологическим концептом. Н.С. Трубецкой, формально не относя себя к геополитикам, в отличие от П.Н. Савицкого, стремился дать четкий ответ на вопрос, что понимать под Евразией в геополитическом смысле. В частности, он указал и попытался обосновать пространственные характеристики геополитической Евразии, выходить за пределы которых считал нецелесообразным. В этом отношении

проявилось его отрицательное отношение к талассократическим концепциям англосаксонской геополитики, направленным на контроль всего мирового пространства, и концепциям расширения жизненного пространства (*Lebensraum*), задававшим тон в германской геополитике.

В общетеоретическом отношении у Н.С. Трубецкого и других евразийцев (П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского и др.) есть определенное сходство с идеями французской геополитики, ведущими свое начало от П. Видаля де ла Блаша. В работах этого географа основное внимание было сосредоточено на освоении своей (в данном случае французской) территории. В качестве географического критерия евразийского пространства Н.С. Трубецкой предложил широтную доминанту, определяющую евразийские границы в рамках северной части материка. Внешнеполитическая экспансия в меридиональном отношении, с его точки зрения, теоретически неверна (там находятся государства-цивилизации с собственной традиционной культурой — Персия, Китай и др.) и потому крайне нежелательна. Выход за круг территорий, некогда входивших в состав Российской империи, он считал нежелательным и ошибочным. В этом смысле учение евразийцев было интенционно герметично, и его суть можно выразить архимедовским призывом: не трогай мои круги (*Noli tangere circulos meos!*).

Таким образом, геополитика евразийцев представляла собой смешение цивилизационного подхода, связанного с идеями Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах, с некоторыми западноевропейскими концептами начала XX в. Особую приверженность геополитической концептуализации евразийского учения проявлял П.Н. Савицкий. По словам Р.О. Якобсона, он был «даровитым провидцем структурной географии» (Якобсон, 1996, с. 244) и, естественно, более других был склонен поверять политику географией. Поэтому на нем в большей степени, нежели на других евразийцах, сказалось влияние идей П. Видаля де ла Блаша и Х. Маккиндера. Эти географы заложили основу для французской и английской геополитических школ, а

³ Вступление // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского. София : Издание евразийцев, 1921. С. IV.

их концепции в то время пользовались большой известностью. Хотя у П.Н. Савицкого можно найти лишь отдельные следы влияния POSSIBILISTСКОЙ школы П. Видаля де ла Блаша и Х. Маккиндера (концепции *Heartland*), стремление истолковывать евразийство как российскую геополитическую школу у него налицо. П.Н. Савицкий говорил о желании написать книгу по геополитике, составлял геополитические таблицы (Савицкий, 1931b, с. 102—104) и в письмах он определял себя как геополитика⁴.

С П. Видалем де ла Блашем евразийца П.Н. Савицкого сближает то, что первый называл «вопросом географии человека». Суть этого вопроса заключалась в идее, что каждый регион представляет собой громадный природный потенциал, и в раскрытии тех или иных его сторон состоит миссия народов, в разное время этот край населяющих. Именно народ, как утверждает П. Видаля де ла Блаш, задает то направление использования природы, что позволяет раскрыться ее индивидуальности (Видаля де ла Блаш, 2020). П.Н. Савицкий, рассуждая похожим образом, говорит о новом значении, которое приобрела бескрайняя евразийская степь в связи с включением ее в состав Российского государства. На смену кочевому скотоводству пришло оседлое земледелие, задавшее не только новый уровень взаимодействия с природой, но и заложившее основу целостности евразийского пространства (Савицкий, 1922, с. 350—354). Сходство концепций П.Н. Савицкого и Х. Маккиндера, во-первых, заключается в следующем: оба исходили из того, что Россия-Евразия представляет собой мировой *Heartland* (Maskinder, 1919, p. 191), или «ядро», «сердцевину» Старого Света (Савицкий, 1922, с. 355). Во-вторых, оба противопоставляют политические цели морских и сухопутных держав, рассуждают о роли кочевников в мировой политике, которых Х. Маккиндер называл номадами, и считают Россию

наследницей Монгольской империи (Maskinder, 1904, pp. 426—428, 436).

По словам П.Н. Савицкого, «на пространстве всемирной истории *западноевропейскому ощущению моря* как равноправное, хотя и полярное, противостоит единственно *монгольское ощущение континента*». То же ощущение континента П.Н. Савицкий приписывает и русским землепроходцам, что, с его точки зрения, объясняет размах освоения громадных пространств Евразии (Савицкий, 1928; 1922, с. 345). Наиболее точно эту идею выразил один из видных деятелей движения К.А. Чхеидзе в своих работах, посвященных русской геополитике. Он показал, что тема геополитического анализа России, как государства-материка, является чрезвычайно важной для русского евразийства (Чхеидзе, 1931, с. 114; 1927, с. 32—35). В этой связи заметим, что рассматриваемая К.А. Чхеидзе тема государства-материка представляла собой развитие идеи М.Ф. фон Таубе о феномене, калькированном им с немецкого языка как «великовладычество» или «миромощество» (*Gross und Weltmacht*) (Таубе, 1910, с. 3). Такая «историческая сверхличность», по утверждению М.Ф. фон Таубе, сверхгосударственна и сверхнародна, то есть представляет собой союзное государство или союз государств (Таубе, 1910, с. 6). Это государство столь обширно, что распространяется на целый материк, а в пределе и на два материка — возможны варианты с «двучленной Америкой» и «трехчленной Евразией, состоящей из Европы, Азии и Африки» (Таубе, 1910, с. 37—38). Сформулированная в 1904 г. идея М.Ф. фон Таубе предвосхищала концепцию панрегионов Ф. Науманна (Naumann, 1916, pp. 231—261) и К. Хаусхофера (Хаусхофер, 2001, с. 255—261) и оказалась весьма востребованной у евразийцев.

В целом, несмотря на несомненное влияние на евразийцев современных им геополитических идей, они находились в большей концептуальной зависимости от структуралистской теории Ф. де Соссюра. Его мысль, что «у языковой деятельности есть сторона индивидуальная и сторона социальная, причем одну нельзя понять без другой» (Соссюр, 2000, с. 18), была творчески переработана

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5783. Оп. 1. Д. 366. Л. 75. П. Н. Савицкий — Переписка с представителями евразийского течения по редакционно-издательским, агитационным вопросам и вопросам личного характера. 28 июля — 14 марта 1928 г.

Н.С. Трубецким и Р.О. Якобсоном. Опираясь на гумбольдтовскую идею, они перенесли сосюрговскую теорию морфофонологии в социально-политическую сферу. В итоге лингво-аксиологическое пространство Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона, дополненное этногеографическим измерением П.Н. Савицкого, стало основой социально-политического конструкта евразийства. Его основными элементами стала триада идеократия — демотия — совет. Эту триаду, состоящую из взаимодополняющих политических понятий, следует воспринимать в духе сосюрговских идей о синтагматике. В данном случае мы имеем дело с конструктом, являющимся телеологической синтагмой или, если мы сменим сосюрговские категории на терминологию Р.О. Якобсона, — синтагматической смежностью телеологических компонентов (Барт, 1975, с. 140). В этой универсалии идеократия представляет собой определяющее, а определяемыми по нисходящей являются демотия и совет.

Каждый компонент синтагмы имел в мыслимой евразийцами социальной структуре специальное значение. Однако первоначально присутствие в этом конструкте «совета» вызывало у современников удивление и даже неприятие, поскольку рождало прямые ассоциации с большевистской Россией. Включение в структуру евразийского государства института советов объяснялось, с одной стороны, возможностью использовать готовую форму, уже повсеместно распространенную на российских просторах. С другой стороны, представители движения верили в способность евразийского социума к реверсивности и надеялись на переход советов к исходной основе. В силу этого евразийцы пристально вглядывались в институт советов, в котором видели наряду с демотией одну из форм народного самоуправления и отмечали его глубокую историческую укорененность. В соответствии с необходимостью сочетания диахронического и синхронического подхода Ф. де Соссюра (Saussure, 1971, pp. 129—134) большевистские советы воспринимались Н.С. Трубецким и Р. Якобсоном как текущее состояние элементов сложившейся системы, эволюционирующей в направлении евразийства. При этом в политическом отношении их

больше интересовал не диахронический (эволюционный, горизонтальный) аспект феномена советов, а синхронический (вертикальный).

Идея советов привлекала евразийцев как готовая форма организации, выработанная исторически и оправдавшая свою эффективность в ходе радикальной перестройки государственного аппарата. Разумеется, такой подход уже на категориальном уровне вызывал неприятие у значительной части русской эмиграции, поскольку признание советов как легальной формы управления представлялось ей совершенно неприемлемым. Поэтому перед евразийцами наряду с задачей объявления своего политического кредо стояли проблемы доказательного объяснения инструментов и форм будущей политической реформации. В этом ряду к институту советов было приковано особое внимание, поскольку на его примере нужно было показать целесообразность части проведенных большевиками социальных изменений.

Примечательно, что, хотя сами большевики как инициаторы революционных преобразований претендовали на то, что следовали сценарию К. Маркса, объяснения случившегося разнились даже в марксистской среде. Одна часть мировой социал-демократии встала на сторону большевиков, поверив их марксистской фразеологии о победе в России социалистической революции и пролетариата, диктатура которого в дальнейшем приведет к появлению бесклассового государства. Другая — засомневалась в возможности построения социализма в отдельной и к тому же среднеразвитой по тем временам стране, где доля рабочего класса была совсем невелика.

В результате появилось два наиболее распространенных марксистских объяснения произошедшего. Согласно первому, который в России считался большевистским, уровень технологического и социального развития общества не имел принципиального значения для осуществления пролетарской революции и дальнейшего построения социализма. Чтобы не слишком расходиться с учением К. Маркса, следовало всячески стимулировать революционные процессы в развитых странах, а после их успеха объединиться с ними, сняв, таким образом, и теоретические расхождения. Для второго подхода, который

в России рассматривали как меньшевистский, было характерно не слишком отдаляться от революционных критериев К. Маркса. В силу этого меньшевики уделяли первостепенное внимание уровню социального развития и были в большей степени ориентированы на формационные, а не ситуативные условия реализации революционной ситуации.

Советы появились в России в качестве результата революционных процессов и сразу после своего возникновения стали представителями рабочих масс (Парвус, 1906, с. 215). Трудно сказать, как отреагировал бы на эти события сам К. Маркс. С одной стороны, он был ярким сторонником социалистической революции, но он напряженно ожидал ее в другой части Европы. К русскому революционному движению К. Маркс относился не слишком серьезно, так как не видел для него сколько-нибудь значимой социальной опоры и вообще его представления о России сложились в 30—40-х гг. XIX в., когда она воспринималась частью европейцев в качестве жандарма Европы. Кроме того, К. Маркс, по собственному признанию, не являлся марксистом⁵. К этой декларации его привело знакомство с деятельностью его французских сторонников конца 1870-х гг., которые, по его мнению, неверно трактовали его теорию. Возможно, это лишний раз показывает его авторитаризм и нетерпимость к взглядам, отличающимся от его собственных, в чем его не раз упрекали А.И. Герцен и М.А. Бакунин (Герцен, 1957, с. 157—160, 165—167).

В этой связи отметим, что одним из важных отличий большевистской практики от классической марксистской теории было как раз создание советов, выполнявших функцию органов самоуправления. К. Маркс о таких органах как форме политической власти не писал. Возможно, это связано с тем, что он, как и многие пророки до него, при предсказании будущего редко входил в детали. Поэтому большевики обратились к французам как законодателям революционной моды XVIII и XIX столетий, на которых во многом ориентировался и сам К. Маркс. У французских

большевики переняли идеи комитетов, коммун, революционного террора и врагов народа, но советы были французам не знакомы.

Советы как способ самоуправления, причем, естественно, непартийного, возникли в России в ходе революционного движения 1905 г. В Февральскую революцию они вновь оказались востребованы (Милуков, 1921, с. 66). Давая интервью 19 марта 1917 г., глава революционной России князь Г.Е. Львов выразился так: «В области местного самоуправления программа Временного правительства составлена властными указаниями самой жизни. В лице местных общественных комитетов и других подобных организаций она уже создала зародыш местного демократического самоуправления, подготавливающего население к будущим реформам. В этих комитетах я вижу фундамент, на котором должно держаться местное самоуправление до создания новых его органов. Комиссары Временного правительства, посылаемые на места, имеют своей задачей не становиться поверх создавшихся органов в качестве высшей инстанции, но лишь служить посредствующим звеном между ними и центральной властью и облегчить процесс их организации и оформления» (цит. по: Милуков, 1921, с. 67).

Описывая эти события по горячим следам, член кабинета князя Г.Е. Львова и некогда его товарищ по партии конституционных демократов П.Н. Милуков в 1920 г. выказал большой скепсис в отношении советов, считая их сочетанием утопизма и отвлеченной идеологии. В силу этого он призывал к пересмотру демократических программ, связанных с самоуправлением, посредством которых либералы, «ничего не давши народу, хотели “все” создавать “через народ”» (Милуков, 1921, с. 15).

Большевики думали по-другому. Политический потенциал советов был им хорошо известен, и в дальнейшем они пытались использовать их как опору для продвижения коммунистических идей. Крупный успех был достигнут в 1917 г., когда им удалось «большевизировать» Петроградский совет, создав тем самым предпосылку для Октябрьской революции. Пытаясь развить этот успех, большевики хотели включить «советское»

⁵ Энгельс Ф. Конраду Шмидту в Берлин. Лондон, 5 августа 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 37. Москва: Госполитиздат, 1965. С. 370.

движение в большевистскую социальную модель, стремясь поставить знак равенства между коммунистической и советской властью. Однако разница между ними была слишком очевидна. Крестьянские восстания 1918—1921 гг., охватившие целый ряд центральных губерний России, Западной Сибири и Алтая, были одновременно антибольшевистскими и просоветскими. Наибольшую известность получило беспощадно подавленное в 1921 г. Кронштадтское восстание революционных матросов, выдвинувших среди прочих требование очистить советы от коммунистов и превратить их в беспартийный орган самоуправления. Ликвидацией восстания занимался бывший лидер Петросовета в 1905 и 1917 гг. Л.Д. Троцкий. На момент подавления восстания он был одним из руководителей большевистского государства, часто именовавшегося Советской Россией. Л.Д. Троцкий определил восстание не только как контрреволюционный, но и как антисоветский мятеж. При этом он и в дальнейшем, даже будучи изгнан политическими противниками из Страны Советов, отстаивал свою правоту⁶.

Иной точки зрения придерживались евразийцы. Внимательно наблюдая за ходом гражданской войны, а затем за ходом строительства нового государства, они тоже увидели в советах большой потенциал национальной самоорганизации в масштабе всей страны. Единственное, что им не нравилось в коммунистическом подходе, — большевизация советов. По мнению евразийцев, этот инструмент взаимодействия между центральной властью и населением был лишен того, ради чего он изначально создавался. По сути, у советов была отнята не только свобода принятия решений на местном уровне, но и свобода выражения мнения по отношению к действиям вышестоящих властей. Евразийцы считали, что под личиной народовластия советы используются большевиками как инструмент воздействия на население страны. Поэтому, выступая за создание всеклассового и наднационального государства, евразийцы

⁶ Троцкий Л. Д. Шумиха вокруг Кронштадта // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 66—67.

заявляли о своем неприятии и даже необходимости борьбы с большевистским содержанием «форм, насильственно навязываемым коммунистической властью национальностям Союза»⁷. В то же время они ценили институт советов, видя в них важный элемент структуры будущего евразийского государства. Согласно «Формулировке 1927 г.», советский строй евразийцы рассматривали как орган установления народной воли и подбора представителей в высшую структуру евразийского государства⁸. «Основы соответствующего культуре России-Евразии государственного строя уже заложены, — писал Л.П. Карсавин. — Этим облегчена задача нашего поколения» (Карсавин, 1927, с. 239).

Отметим, что советским евразийцы признавали строй, а не власть. Власть, по их мнению, должна быть демотической. Они воспринимали демотическую власть как единственно возможную в России-Евразии, так как только такая власть смогла бы обеспечить решение тех социальных и религиозно-культурных задач, которые ставили перед собой евразийцы. Подобно власти, должны были измениться и законы. Причем, как и в случае с советской властью, первоначально за отправную точку могло быть принято и большевистское законодательство. Его следовало очистить от классово направленной и сделать демотическим, то есть общенародным (Алексеев, 1927а, с. 22). Тогда советы выполняли бы функцию отбора правящего слоя для идеократического государства, на которое в качестве цели указал Н.С. Трубецкой (Логовиков, 1931а, с. 134).

Необходимо отметить, что среди возникающих в 1918—1921 гг. политических субъектов идея советов как инструментов реализации своих идей была весьма популярна. В Германии после событий ноября 1918 г. многие революционеры стали ориентироваться на российский опыт. В силу этого концепция советской власти получила у немцев большое распространение. Власть советов

⁷ Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. Прага : Издание евразийцев, 1932. С. 24.

⁸ Евразийство (Формулировка 1927 г.) // Евразийская хроника. Вып. IX / под ред. П. Н. Савицкого. Париж : б/и, 1927. С. 7.

была провозглашена в Гамбурге, Бремене, Лейпциге, Хемнице, Саксен-Готе. Даже в Гейдельберге возник совет рабочих, в который в качестве представителя местного университета был включен знаменитый социолог Макс Вебер. Однако распространявшийся в Германии институт советов получил неожиданный удар от Собрания советов империи (*Reichsrätekongress*), которое пыталось взять на себя роль рейхстага. Добившиеся в нем большинства социал-демократы, опасаясь победы российской модели, которую они сочли чрезмерно радикальной, выступили против закрепления советов в качестве конституционной основы для молодой немецкой республики.

Несмотря на поражение в Берлине, идея советов продолжала победно шествовать по городам и странам. Казалось, что советские республики появляются повсеместно. Помимо территорий бывшей Российской империи, включая Польшу, Прибалтику и Финляндию, они возникали в Германии (Бавария, Эльзас, Бремен), Румынии (Банат), Словакии (Прешов), Венгрии (Венгрия, Баранья-Байя), Италии (Лабин), Персии (Гилян). Даже на далекой европейской окраине — в Ирландии — появилась эфемерная советская республика (Лимерик). Хотя период существования советов и советских республик за пределами бывшей Российской империи исчислялся неделями и месяцами, а иногда днями, сам институт казался весьма перспективным. Крупнейший, по мнению Р.О. Якобсона (Якобсон, 2012), поэт XX в. Велемир Хлебников даже пытался вычислить время появления новых советских республик⁹.

К феномену советов присматривались и представители немарксистских направлений российской социальной мысли. В особенности это касалось тех, кто считал радикальный слом прежних императорских устоев политической власти в России неизбежным, но при этом ориентировался не на гегемонистский марксизм или демократический либерализм, а на многовековой опыт народа, являющийся естественной основой коллективного творчества.

⁹ Хлебников В. Предсказания // Хлебников В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Кн. 1 / под общ. ред. Р. В. Дуганова. Москва : ИМЛИ РАН, «Наследие», 2005. С. 286.

С таких позиций пытались оценивать российские события сменовеховцы. Так, бывший «кадет» Н.В. Устрялов, сменивший к 1921 г. направление на близкое евразийцам «сменовеховство», считал, что входящая в мир новая сила определяет себя только своими собственными целями. Она «обрастает» правом лишь в случае победы, что Н.В. Устрялов определял как «нормативную силу фактического» (Устрялов, 1921, с. 7). В то же время в вышедшей в одной из харбинских газет, а затем перепечатанной в пражском сборнике сменовеховцев статье Н.В. Устрялова «Patriotica» он в связи с большевистской советизацией России пишет, что «невольно приходит на память недавний лозунг кронштадтцев насчет “свободно избранных советов”»¹⁰. Из этого следовало, что Н.В. Устрялов, принимая идею советов, выступал против форм ее реализации, то есть его устраивала «негативная» деятельность большевиков, та ее часть, что соответствовала началу второго куплета русского перевода «Интернационала»: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья». Однако он выражал неприятие продолжения «позитивной» части: «А затем мы наш, мы новый мир построим».

В этом со сменовеховцами были согласны и евразийцы. Они тоже придерживались мнения о нежизнеспособности прежнего самодержавного режима, но построение нового мира представляли отлично от большевиков, хотя были не против использовать целый ряд сложившихся при них институтов. Евразийцы предполагали сохранить советский строй со всеми его учреждениями (съездами и Центральным исполнительным комитетом) «как орган определения народной воли». Но власть должна быть передана демотическим, то есть народным, объединениям. По представлениям евразийцев, свободно изъявляемая воля граждан должна была реализовываться свои политические решения через территориальные объединения (демотии)¹¹. Принципиальным

¹⁰ Устрялов Н. «Patriotica» // Новости жизни. 1920. 17 июня.

¹¹ Евразийство (Формулировка 1927 г.) // Евразийская хроника. Вып. IX / под ред. П. Н. Савицкого. Париж : б/и, 1927. С. 6—7.

отличием новых объединений было то, что взаимоотношения между демотией и советом осуществлялись бы на новой идеологической основе: место коммунизма должно было занять евразийство. Отличие демотии от демократии заключалось в полном народном контроле по принятию и исполнению решений, делавшем невозможным популизм и коррупцию, свойственную демократическим режимам Европы (Садовский, 1923, с. 170; Савицкий, 1931а, с. 43—44).

Евразийцы видели государство России-Евразии идеократическим. Это означало, что его высшим принципом должна была стать евразийская идея, которую Н.С. Трубецкой назвал «идеей-правительницей» (Трубецкой, 1927а, с. 3—20). Данной идее будут подчинены политика, культура, хозяйство и все остальные сферы жизнедеятельности. Опорой идеи являлись Бог, государство и народ. Не выступая против религий восточного происхождения, евразийцы особое место уделяли православию, считая, что на громадных евразийских просторах именно эта вера имеет особое объединяющее во всех смыслах значение (Савицкий, 1925а, с. 18—19). В хозяйственной сфере, по их мнению, должно разумно сочетаться плановое и индивидуальное начало, создавая условия для государственно-частной экономики, поскольку высшим призванием личности является служение общему делу. П.Н. Савицкий называет этот тип, сопрягающий лично-хозяйственное и державное начало, хозяйнодержавием (Савицкий, 1925b, с. 427—438).

Еще одной важной характеристикой хозяйственного уклада России-Евразии должна была стать автаркия. П.Н. Савицкий напрямую связывает автаркию с евразийским учением о России как «симфонической личности» и тезисом о ее географической, исторической, этнографической и лингвистической специфике (Савицкий, 1932, с. 51). Нацеленность на автаркию не подразумевала изоляцию страны от окружающего мира. Она указывала на стремление к полной от него независимости и особую роль евразийского государства. Пытаясь показать отличия евразийства от существующих режимов на

Западе Европы и в СССР, П.Н. Савицкий объявляет евразийство не только автаркичным, но и «сверхсоциалистическим» (Савицкий, 1931а, с. 8).

Отметим, что социализм принимали не все евразийцы. Н.С. Трубецкой отвергал его на том простом основании, что он являлся продуктом западной цивилизации и, значит, ничего хорошего из этого конструкта выйти не может (Трубецкой, 1925а, с. 72). Но у большинства других социализм идиосинкразии не вызывал (Карсавин, 1929).

Сверхсоциализм, о котором писал П.Н. Савицкий, означал не столько антикапитализм, сколько этатизм, под которым подразумевалась особая роль государства в идеологическом и социальном отношениях, а также его самодостаточность. Из этого следовало, что большевистская система, с точки зрения евразийцев, нуждалась в сильной коррекции, особенно в идеологическом отношении. Здесь они предполагали заменить коммунистическую идею на евразийскую. При этом значительную часть новой структуры, сложившейся при большевиках, евразийцы хотели оставить, используя в своих целях. Путем выдвижения своих депутатов в вышестоящий совет, нижестоящие, по мнению евразийцев, могут контролировать высшую власть. Совет видит в делегируемом депутате не функцию отвлеченной партийной программы, а живую «личность, выражающую их соборное сознание». Тем самым совет воплощает в жизнь подлинно демотический принцип: выражение воли и «миросозерцания целого организованным меньшинством» (Карсавин, 1927, с. 217).

Иными словами, евразийцы предполагали, сохранив во многом прежнюю структуру, задать новую цель развития, меняя тем самым смысл и характер связей среди элементов структуры. В итоге место коммунистической системы (в ее большевистском варианте) должна была занять евразийская система. По мнению евразийцев, она воплощала бы в жизнь одну из моделей континентальных суперсубъектов, восходящих к идеям Чингисхана (Вернадский, 1927, с. 157—158). Объединяющей идеей этого суперсубъекта России-Евразии являлась евразийская идея,

имеющая религиозные (православие), лингвистические (евразийский языковой союз), географические (единство евразийского пространства) и культурные (сходство культурных и хозяйственных типов) основания. Евразийская идея, воспринимая народы, населяющие Евразию, как симфоническую личность, многонародную нацию (Трубецкой, 1927b, с. 28), должна была переформатировать пространство России-Евразии на новых началах, сопрягая посредством принципа демотии две важнейшие государственные основы — божественную и народную. Также подразумевалось, что федеративная власть, воплощающая идеократию в государственную практику, будет иметь опору в выборных советах разных уровней, которые контролируются посредством демотии.

Таким образом, участники евразийского движения хотели на основе идеократии создать новый феномен политического бытия: федерацию как форму объединения евразийских народов, демотию как власть, советы как способ самоорганизации. В этом нашла бы свое проявление евразийская симфония, воплощавшая соборное начало евразийства (Карсавин, 1926, с. 124) и как онтологическая целостность представляющая духовную сплоченность всего российского сообщества (Карсавин, 1927, с. 201).

Концепция целостности стала результатом развития идеи о взаимосвязи отдельных лингвистических единиц. Ф. де Соссюр распространял эти связи через оппозицию означаемого и означающего на общественные явления, что привело к концепции взаимовлияния лингвистических и социальных феноменов. В структурном отношении это подразумевало, что означаемое может влиять на означающее или, говоря иначе, элемент языка может формировать общественное явление. В евразийском лингвогеографическом социальном пространстве это сказалось на придании особой роли трем уже упомянутым социальным понятиям: идеократии, демотии и советам.

Идеократия понималась евразийцами двояко. Во-первых, они именовали идеократией высшую власть будущего государства, основанную на служении Богу и народу

евразийских пространств. Во-вторых, под идеократией понималась форма устройства евразийского государства, представлявшаяся им как гармоничная структура будущей социальной системы, в основе которой была триада «идеократия — демотия — советы». Евразийцы полагали, что, перенеся эту структуру на поле России-Евразии, они сумеют инициировать желаемые системные изменения. При этом их вполне устраивало, что один из необходимых элементов структуры — советы — уже был легитимизирован большевиками. Оставалось вдохнуть в советы дух евразийской идеократии и подчинить их демотическому контролю.

Завершая на этом наш разбор структуралистского влияния на евразийскую социально-политическую концепцию, укажем на параллель евразийской триады с еще одним сосюровским конструктом, на который, вероятно, ориентировались евразийцы. Ранее мы обращали внимание на связь триады с синтагматической концепцией Ф. де Соссюра, где триада трактуется как телеологическая синтагма. Теперь укажем на коллинеарность триад *langage — langue — parole* (языковая деятельность — язык — речь) и *идеократия — демотия — совет*. Ф. де Соссюр понимал *langage* как систему, *langue* — как инструмент, а *parole* — как знак (Золотухин, 2016, с. 331). Из заданной парадигмы следовало, что система посредством языка предопределяет речь. Р.О. Якобсон продолжил развитие этой идеи, указав на телеологическое значение высказывания и свойственную ему внутреннюю иерархию: «Это центральное место в структурной лингвистике так, как я ее определил вслед за Трубецким» (Якобсон, 1996, с. 183).

Сочетание элементов евразийской структуры истолковывается аналогично: идеократическая система, поверяемая демотией, обусловливает совет. В этом случае телеологическая синтагма евразийцев «идеократия — демотия — совет» является антитезой большевистской синтагме «коммунизм — советская власть — совет». Идеократия здесь является оппозицией коммунизму, а демотия — советской власти. Таким образом, структура евразийского государства окончательно

определяется. Идеократия понимается полняют во многом знаковую роль «мощного евразийцами как политическая система, де- орудия» (Алексеев, 1927b, с. 259), объединя- мотия — как инструмент социального кон- ющего структуру евразийского государства тrolля системы, а советы в данном случае вы- снизу доверху.

Поступила в редакцию / Received: 31.07.2021
Доработана после рецензирования / Revised: 04.10.2021
Принята к публикации / Accepted: 21.12.2021

Библиографический список

- Алексеев Н. Н.* Записка о суде // Евразийская хроника. Вып. IX / под ред. П. Н. Савицкого. Париж : б/и, 1927a. С. 16—22.
- Алексеев Н. Н.* Советский федерализм // Евразийский временник. Непериодическое издание. Кн. 5 / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского и Н. С. Трубецкого. Париж : Евразийское книгоиздательство, 1927b. С. 240—262.
- Алексеев Н. Н.* Современные задачи правоведения // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. Париж : Издание евразийцев, 1931. С. 213—220.
- Барт Р.* Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. Москва : Прогресс, 1975. С. 114—163.
- Бердяев Н. А.* Евразийцы // Путь. 1925. № 1. С. 134—139.
- Бицилли П. М.* «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского, А. В. Карташева, П. М. Бицилли. Москва — Берлин : Геликон, 1922. С. 317—340.
- Богданов А. А.* Тектология — Всеобщая организационная наука. Берлин — Санкт-Петербург : б/и, 1922.
- Вернадский Г. В.* Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Непериодическое издание. Кн. 5 / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого. Париж : Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 153—164.
- Видал де ла Блаш П.* Географические картины Франции. Москва : ООО «ВАШ ФОРМАТ», 2020.
- Вишневецкий И. Г.* «Евразийское уклонение» в музыке 1920—1930-х годов. Москва : Новое литературное обозрение, 2005.
- Герцен А. И.* Былое и думы : собр. соч. в 30 т. Т. 11. Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1957.
- Глебов С.* Евразийство между империей и модерном: история в документах. Москва : Новое издательство, 2010.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Москва : Академический Проект, 2015.
- Дугин А. Г.* Преодоление Запада (Эссе о Николае Сергеевиче Трубецком) // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Москва : Аграф, 1999. С. 5—25.
- Золотухин Д. С.* Терминологическая триада «langue — language — parole» Фердинанда де Соссюра в работах разной степени аутентичности // Преподаватель XXI век. 2016. № 3—2. С. 329—334.
- Ильин Вл.* Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. Москва : Звено, 1909.
- Карсавин Л. П.* Основы политики // Евразийский временник. Непериодическое издание. Кн. 5 / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого. Париж : Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 185—239.
- Карсавин Л. П.* Ответ на статью Бердяева об евразийцах // Путь. 1926. № 2. С. 124—127.
- Карсавин Л. П.* Социализм и Россия // Евразия. 1929. № 8. С. 1—2.
- Кизеветтер А. А.* Евразийство // Русский экономический сборник. Вып. 3 / под ред. С. Н. Прокоповича. Прага : Издание Экономического кабинета при Культурно-просветительском отделе Земгора, 1925. С. 50—65.
- Корабельникова Л. З.* Александр Черепнин. Долгое странствие. Москва : Языки русской культуры, 1999.
- Леонтьев К. Н. А. И.* Кошелев и община в московском журнале «Русская мысль» // Восток, Россия и славянство. Т. II. Москва : Республика, 1996. С. 262—267.
- Логовиков П. В.* Власть организационной идеи // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. Париж : Издательство евразийцев, 1931a. С. 129—134.
- Логовиков П. В.* Научные задачи евразийства // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. Париж : Издательство евразийцев, 1931b. С. 53—63.

- Лубенский С. Евразийская библиография 1921—1931. Путеводитель по евразийской литературе // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. Париж : Издательство евразийцев, 1931. С. 285—317.
- Миллюков П. Н. История второй русской революции. Т. I. Вып. I: Противоречия революции. София : Российско-болгарское книгоиздательство, 1921.
- Парвус А. Л. Россия и революция. Санкт-Петербург : б/и, 1906.
- Савицкий П. Н. В борьбе за евразийство. Полемика вокруг евразийства в 1920-ых годах // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. Париж : Издательство евразийцев, 1931а. С. 1—52.
- Савицкий П. Н. Главы из «Очерка географии России» // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. Париж : Издательство евразийцев, 1931б. С. 87—104.
- Савицкий П. Н. Евразийство // Евразийский временник. Кн. 4 / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого. Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1925а. С. 5—23.
- Савицкий П. Н. Европа и Евразия (По поводу брошюры кн. Н. С. Трубецкого «Европа и Человечество») // Русская мысль. 1921а. Кн. 1—2. С. 119—138.
- Савицкий П. Н. Континент-Океан (Россия и мировой рынок) // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского. София : Издание евразийцев, 1921б. С. 104—125.
- Савицкий П. Н. О задачах кочевниковедения (Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?). Прага : Евразийское книгоиздательство, 1928.
- Савицкий П. Н. Подданство идеи // Евразийский временник. Кн. 3 / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого. Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1923. С. 9—17.
- Савицкий П. Н. Пятилетний план и хозяйственное развитие страны // Новый град. 1932. № 5. С. 43—55.
- Савицкий П. Н. Степь и оседлость // На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского, А. В. Карташева, П. М. Бицилли. Москва — Берлин : Геликон, 1922. С. 341—356.
- Савицкий П. Н. Хозяин и хозяйство // Евразийский временник. Кн. 4 / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого. Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1925б. С. 406—445.
- Садовский Я. Д. Оппонентам евразийства (Письмо в редакцию Я. Д. Садовского) // Евразийский временник. Кн. 3 / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого. Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1923. С. 149—174.
- Сосюр Ф., де. Заметки по общей лингвистике. Москва : Издательская группа «Прогресс», 2000.
- Струве П. Б. Прошлое, настоящее, будущее. Мысли о национальном возрождении России // Русская мысль. 1922. Кн. 1—2. С. 222—231.
- Сувчинский П. П. Вечный устой // На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского, А. В. Карташева, П. М. Бицилли. Москва — Берлин : Геликон, 1922. С. 99—133.
- Сутормин С. О. Концепция месторазвития евразийского аспекта в научном наследии Г. В. Вернадского и П. Н. Савицкого // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 126—131.
- Таубе М. Ф., фон. Образование великодержавных единиц. Петроград : б/и, 1910.
- Трубецкой Н. С. «Русская проблема» // На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского, А. В. Карташева, П. М. Бицилли. Москва — Берлин : Геликон, 1922. С. 294—316.
- Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский временник. Кн. 3 / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого. Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1923а. С. 107—124.
- Трубецкой Н. С. Верхи и низы русской культуры (Этническая база русской культуры) // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского. София : Издание евразийцев, 1921а. С. 86—103.
- Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София : б/и, 1920.
- Трубецкой Н. С. Мы и другие // Евразийский временник. Кн. 4 / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого. Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1925а. С. 66—81.
- Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин : б/и, 1925б.
- Трубецкой Н. С. О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника. Вып. VIII / под ред. П. Н. Савицкого. Париж : б/и, 1927а. С. 3—20.
- Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. Кн. 4 / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого. Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1925с. С. 351—377.

- Трубецкой Н. С.* Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского. София : Издание евразийцев, 1921b. С. 71—85.
- Трубецкой Н. С.* Общевразийский национализм // Евразийская хроника. Вып. IX / под ред. П. Н. Савицкого. Париж : б/и, 1927b. С. 24—30.
- Трубецкой Н. С.* Соблазны единения // Россия и латинство: сборник статей / под ред. М. Н. Бурнашева. Берлин : б/и, 1923b. С. 9—15.
- Устрялов Н.* Фрагменты (О разуме права и праве истории) // Смена веков. 1921. № 1. С. 6—8.
- Хаусхофер К.* О геополитике. Работы разных лет. Москва : Мысль, 2001.
- Чхеидзе К. А.* Из области русской геополитики // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. Париж : Издательство евразийцев, 1931. С. 105—114.
- Чхеидзе К. А.* Лига Наций и государства-материки // Евразийская хроника. Вып. VIII / под ред. П. Н. Савицкого. Париж : б/и, 1927. С. 32—35.
- Якобсон Р. О.* Будетлянин науки. Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза. Москва : Гилея, 2012.
- Якобсон Р. О.* Доклад Р.О. Якобсона. О фонологических языковых союзах // Евразия в свете языкознания. Прага : б/и, 1931a. С. 7—12.
- Якобсон Р. О.* К характеристике евразийского языкового союза. Париж : б/и, 1931b.
- Якобсон Р. О.* Язык и бессознательное (Работы разных лет). Москва : Гнозис, 1996.
- Chomsky N.* Language and Mind. New York : Cambridge University Press, 2006.
- Heidegger M.* Gesamtausgabe. III. Abteilung: Unveröffentlichte abhandlungen Vorträge — Gedachtes. Band 69. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann GmbH, 1998.
- Humboldt W., von.* Über die Entstehung der grammatischen Formen und ihren Einfluss auf die Ideenentwicklung. Berlin, 1822.
- Kjellén R.* Der Staat als Lebensform. Leipzig : S. Hirzel, 1917.
- Mackinder H. J.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. New York : Holt, 1919.
- Mackinder H. J.* The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904. Vol. XXIII, no. 4. P. 421—437.
- Naumann F.* Mitteleuropa. Berlin, 1916.
- Saussure F., de.* Cours de linguistique générale. Paris : Payot, 1971.
- Sombart W.* Der moderne Kapitalismus. Historisch-systematische Darstellung des gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. Bd. 1—3. Munich : Dtv Reprint, 1987.
- Weber M.* Die protestantische Ethik und der „Geist“ des Kapitalismus. Tübingen : Mohr, 1934.
- Whorf B. L.* The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language // Language, Culture, and Personality: Essay in Memory of Edward Sapir / ed. by L. Spier, A. I. Hallowell, S. S. Newman. Menasha, Wisconsin : Sapir Memorial Publication Fund, 1941. P. 197—215.

Сведения об авторе: *Шаблага Андрей Владимирович* — доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-7610-9721; e-mail: shabaga-av@rudn.ru